

ЧАРЛЬЗЪ ДИККЕНСЪ.

ВЕЛИКО-ВИНГЛЬБИРІЙСКАЯ ДУЭЛЬ.

Небольшой городок Велико-Вингльбири находится ровно въ сорока-двухъ съ тремя четвертями миляхъ отъ угла Гэйдъ-Парка. Въ этомъ городкѣ, какъ почти и во всѣхъ городкахъ Великобританіи, есть своя главная улица, такъ называемая Гай-стритъ, съ огромными пестрыми часами на небольшой красной башнѣ, возвышающейся надъ городскими присутственными мѣстами, — есть также въ немъ церковь, часовня, мостъ, театръ, рынокъ, тюрьма, клубъ и бібліотека, гостинница, бассейнъ съ водокачальной помпой и, наконецъ, почтовая контора. Преданіе гласитъ, что гдѣ-то на перекресткѣ двухъ дорогъ, миляхъ въ двухъ отъ „Велико-Вингльбири“, находился также городокъ „Мало-Вингльбири“. Общее повѣрье весьма охотно приписываетъ это названіе небольшому уголку въ концѣ грязнаго переулка, населенному четырьмя нищими, колесничкомъ и пивной лавочкой; но даже и на этотъ авторитетъ, при всей его слабости, должно смотрѣть съ величайшимъ подозрѣніемъ, потому что обитатели вышеупомянутаго уголка, всѣ до одного, такого мнѣнія, что мѣсто жительства ихъ не имѣло подобнаго названія отъ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ до настоящихъ временъ.

„Вингльбирійскій Гербъ“, въ центрѣ главной улицы, противъ небольшого зданія съ огромными часами, есть главная гостинница города Велико-Вингльбири, — мѣсто сходы коммерческихъ людей, почтовая станція, акцизная контора, — домъ „Синихъ“ при каждахъ выборахъ, и собраніе судей при уголовныхъ слѣдствіяхъ. Эта же самая гостинница служитъ главною квартирою Вистъ-Клуба „Синихъ Вингльбирійцевъ“ (такъ названнаго для отличія отъ Вистъ-Клуба „Желтыхъ Вингльбирійцевъ“, находящагося въ близкомъ разстояніи, по той же улицѣ), и каждый разъ, когда какой нибудь фигляръ, или выставка восковыхъ фигуръ, или концертъ заглядывали, во время своихъ странствованій, въ Велико-Вингльбири, то на всѣхъ углахъ этого городка обыкновенно приклеивалась объявленія слѣдующаго рода: „мистеръ такой-то, надѣясь вполнѣ на великодушную щедрость, которою жители города Велико-Вингльбири постоянно отличались, занялъ, съ большими издержками съ своей стороны, отличныя и помѣстительныя комнаты, принадлежащія „Вингльбирійскому Гербу“. — Домъ этотъ, довольно обширныхъ размѣровъ, выстроенъ изъ кирпича, на гранитномъ фундаментѣ; онъ имѣетъ весьма хорошенькую залу, украшенную вѣчно-зеленѣющими растеніями и оканчивающуюся въ перспективѣ буфетомъ и стекляннымъ шкапомъ, въ которомъ лакомыя блюда выставлены въ такомъ порядкѣ, что при самомъ еще входѣ привлекаютъ взоръ посѣ-

тителя и возбуждаютъ аппетитъ его до высшей степени. Воковыя двери изъ этой залы ведутъ въ „кофейныя“ и „коммерческія“ комнаты; а огромная, широкая, извилистая лѣстница, какъ напимѣръ: три ступеньки и площадка, четыре ступеньки и другая площадка, одна ступенька и еще площадка, полдюжины ступенекъ и опять площадка, и такъ далѣе, выводитъ въ галереи спаленъ и лабиринты комнатъ, именуемыхъ „отдѣльными“, гдѣ вы можете наслаждаться уединеніемъ также отдѣльно, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, въ которомъ какое нибудь заблудшее созданіе по ошибкѣ заходитъ въ вашу комнату каждыя пять минутъ и выходитъ отъ васъ затѣмъ, чтобы заглянуть во всѣ чужія двери вдоль галереи, пока не найдетъ своей собственной.

Таковъ „Вингльбирійскій Гербъ“ въ настоящее время, и таковъ „Вингльбирійскій Гербъ“ былъ прежде, — нѣтъ нужды, когда именно... положимъ, что хоть за двѣ или за три минуты до прибытія лондонскаго дилижанса. Четыре лошади, накрытыя попонами — свѣжая смѣна для ожидаемаго дилижанса — спокойно стояли въ углу двора, окруженныя безпечной группой почтарей въ лакированныхъ шляпахъ и клеенчатыхъ блузахъ. Каждый изъ нихъ выражалъ свое замѣчаніе о достоинствахъ безмолвныхъ животныхъ; не вдаль отъ нихъ стояло съ полдюжины оборванныхъ ребятишекъ, которые прислушивались съ очевиднымъ вниманіемъ къ разговору лошадиныхъ знатоковъ; а нѣсколько ротозѣевъ, въ ожиданіи прибытія дилижанса, собралось вокругъ водопоя.

День былъ ясный и чрезвычайно знойный; городъ находился въ самомъ зенитѣ своей бездѣйственности, и за исключеніемъ этихъ нѣсколькихъ зѣвакъ не видно было ни одной души. Но вотъ рѣзкій звукъ почтоваго рожка нарушилъ монотонное безмолвіе улицы; дилижансъ показался и съ такимъ шумомъ и стукомъ пролетѣлъ по избитой мостовой, что огромные часы надъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ находились въ опасности навсегда потерять свой ходъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ открылись дверцы въ дилижансѣ, по всѣмъ направленіямъ улицы распахнулись окна, выбѣжали лакеи, встрепенулись конюхи, зѣваки, оборванные почтари и мальчишки, какъ будто всѣ они были наэлектризованы... началось застегиванье, разстегиванье, привязыванье, отвязыванье, перемѣна лошадей, крикъ, брань... короче сказать, сцена приняла весьма дѣятельный, шумный видъ. Здѣсь остановится лэди, сказалъ кондукторъ. Не угодно ли пожаловать, сударыня? говорилъ лакей. — Если ли у васъ отдѣльная комната? спрашивала лэди. — Какъ не быть, сударыня, отвѣчала горничная. У васъ больше нѣтъ ничего, сударыня, кромѣ этихъ чемодановъ? спросилъ кондукторъ. — Больше ничего, отвѣчала лэди. Дверцы хлопнули; кондукторъ и кучеръ сѣли на козлы, съ лошадей сдернули попоны — „пошелъ!“ раздался крикъ, и дилижансъ помчался. Зѣваки простояли еще нѣсколько минутъ, пока дилижансъ не скрылся за уголъ, и потомъ одинъ по одному разбрелся по домамъ. Улица снова опустѣла, и въ городѣ сдѣлалось безмолвіе прежняго.

— Томасъ! вскричала хозяйка „Вингльбирійскаго Герба.“ — Покажи лэди двадцать-пятый номеръ.

— Слушаю, ма'мъ.

— Да вот здѣсь письмо къ джентльмену въ девятнадцатомъ номерѣ. — Сейчасъ только принесли изъ гостинницы „Левъ“. Отвѣта не нужно.

— Къ вамъ письмо, сэръ, сказалъ Томасъ, положивъ конвертъ на столъ девятнадцатаго номера.

— Ко мнѣ? сказала девятнадцатый номеръ, отворачиваясь отъ окна, изъ котораго онъ любовался сценой, только что нами описанной.

— Къ вамъ, сэръ! (Лакеи всегда говорятъ намеками и никогда не выражаютъ полныхъ сентенцій.) Къ вамъ, сэръ! — Львиный лакей, сэръ, — въ буфетъ, сэръ! — Хозяйка дома сказала: въ номеръ девятнадцатый — Александеръ Тротъ, сэръ? — Ваша карточка въ буфетъ, сэръ?

— Меня зовутъ Тротъ, сказалъ девятнадцатый номеръ, срывая печать. — Ты можешь идти, любезный.

Лакей спустилъ штору, потомъ снова поднялъ ее (настоящій лакей всегда долженъ что нибудь сдѣлать передъ своимъ уходомъ), переставилъ съ мѣста на мѣсто рюмки въ маленькомъ буфетѣ, вытеръ пыль, гдѣ вовсе не было пыли, сильно потеръ себѣ руки, приблизился на цыпочкахъ къ двери и исчезъ.

Видно было по всему, что письмо, если не имѣло совершенно неожиданнаго содержанія, то во всякомъ случаѣ было чрезвычайно неприятно. Мистеръ Александеръ Тротъ положилъ его на столъ и потомъ снова взялъ въ руки, прошелся по комнатѣ, шагая съ одного квадрата мягкаго ковра на другой, и даже пробовалъ, хотя весьма неудачно, просвистать какую-то пѣсенку. Но ничто не помогало. Онъ бросился въ кресло и вслухъ прочиталъ слѣдующее посланіе:

„Гостинница Синій Левъ и Согрѣватель Желудка“

„Г. Велико-Вингльбири.

„Пятница, по утру.

„Милостивый государь!

„Едва только узналъ я ваши намѣренія, какъ въ ту же минуту оставилъ контору и пустился вслѣдъ за вами. Цѣль вашего путешествія мнѣ извѣстна; но предупреждаю васъ, что этому путешествію никогда не совершиться.

„Въ настоящую минуту я не имѣю здѣсь друга, на скромность котораго можно было бы положиться. Впрочемъ, это не должно служить препятствіемъ къ моему мщенію. Знайте, что ни Эмли Броунъ не будетъ подвергнута корыстолюбивымъ домогательствамъ бездѣльника, отвратительнаго въ глазахъ ея и ненавистнаго въ глазахъ всякаго другаго, ни я не покорюсь смиренно скрытнымъ нападеніямъ низкаго парасольщика.

„Милостивый государь! небольшая тропинка от Велко-вингльбрийской церкви ведет через четыре поляны къ весьма уединенному мѣсту, извѣстному здѣшнимъ обывателямъ подъ названіемъ Стиффонсъ-Акръ (Мистеръ Тротъ затрепеталъ). На этомъ мѣстѣ, завтра по утру, за двадцать минутъ до шести часовъ, я буду ждать васъ. Въ случаѣ, если мнѣ не удастся увидѣться съ вами, я постараюсь доставить себѣ удовольствіе завернуть къ вамъ съ лошадинымъ бичемъ.

„Горасъ Гунтеръ.

„P. S. Въ улицѣ Гай есть оружейная лавка; послѣ вечерней зари вамъ не продадутъ въ ней пороху... понимаете меня?

„P. S. S. Совѣтую вамъ, пока не увидите со мной, не заказывать на завтрашній день завтрака. Это избавитъ васъ отъ лишннихъ расходовъ.“

— Отчаянный разбойникъ! Я зналъ, что это будетъ! воскликнулъ испуганный Тротъ. — Я всегда говорилъ моему батюшкѣ, что лишь только онъ отправитъ меня въ эту экспедицію, и Гунтеръ станетъ преслѣдовать меня, какъ странствующій жидъ. Плохое дѣло жениться по приказанію и безъ согласія невѣсты! Чтò подумаетъ обо мнѣ Эмли, если явлюсь передъ ней, едва переводя духъ, убѣгая отъ этой адской саламандры! Чтò я стану дѣлать теперь! Чтò могу я сдѣлать! Возвратиться въ Лондонъ значитъ навсегда потерять свою репутацію — лишиться невѣсты и, что еще болѣе, лишиться капитала. Если поѣхать къ Броуну въ дилижансѣ, то вслѣдъ за мной явится и Гунтеръ на почтовыхъ; если отправиться на это мѣсто, на это Стиффонсъ-Акръ (вторичный трепетъ), значитъ заранѣе считать себя убитымъ... Я видѣлъ своими глазами, какъ этотъ человекъ, стрѣляя въ цѣль, изъ шести выстрѣловъ пять разъ сряду попадалъ во вторую петлю жилета, надѣтаго на чучелу, а если не туда, то непременно въ голову. — И съ этимъ утѣшительнымъ воспоминаніемъ мистеръ Александеръ Тротъ снова воскликнулъ: — чтò я стану дѣлать!

Продолжительны и грустны были размышленія его въ то время, какъ онъ, закрывъ руками лицо свое, придумывалъ, какое бы предпринять ему лучшее средство. Умственная подорожная его показывала въ Лондонъ. Но при этомъ онъ вспомнилъ о гнѣвѣ своего родителя и о потерѣ приданаго, которымъ старикъ Броунъ обѣщалъ наполнить сундуки сына старика Трота. Вслѣдъ за тѣмъ, на той же подорожной ясно отличались слова: „въ домъ Броуна“; но вызовъ Гораса Гунтера звучалъ въ ухахъ его, и кровавыя слова: „Стиффонсъ-Акръ“, вертѣлись передъ его глазами. Наконецъ, въ головѣ мистера Александра Трота созрѣлъ слѣдующій планъ.

Первымъ и самымъ главнымъ дѣломъ онъ поставилъ отправить въ гостинницу „Синій Левъ и Согрѣватель Желудка“ лакея съ приличной запиской къ мистеру Горасу Гунтеру, въ которой увѣдомлялъ, что жаждетъ уничтоженія своего врага и поставитъ себѣ за особенное удовольствіе непременно убить его завтра по утру. Потомъ онъ написалъ другое письмо и потребовалъ другого лакея: въ гостинницѣ ихъ была пара. Въ дверяхъ его нумера послышался легкій стукъ.

— Войдите, сказалъ мистеръ Тротъ.

И вслѣдъ за этими словами, мужчина съ огромной рыжей головой и однимъ глазомъ въ этой головѣ, втащилъ въ комнату туловище и ноги, которымъ принадлежала рыжая голова, и мѣховую шапку, принадлежавшую рыжей головѣ.

— Ты здѣсь, кажется, верхній лакей? спросилъ мистеръ Тротъ.

— Да, верхній, отвѣчалъ голосъ изъ кипорнаго футляра съ перламутровыми пуговками: — то есть, я *надъ-лакей*, или лакей, который принадлежитъ всему заведенію; а другой лакей нанимается уже мною и бѣгаетъ отсюда по разнымъ порученіямъ; я зову его подь-лакеемъ или полъ-лакеемъ.

— Ты вѣрно изъ Лондона? спросилъ мистеръ Тротъ.

— Изъ извощиковъ, былъ лаконическій отвѣтъ.

— Почему же ты теперъ лакеемъ? сказалъ мистеръ Тротъ.

— Соскучился — женился.

— Знаешь ли ты домъ здѣшняго судьи? спросилъ Тротъ.

— Какъ не знать! отвѣчалъ надъ-лакей, бросая значительный взглядъ кривымъ своимъ глазомъ, какъ будто онъ имѣлъ довольно важную причину помнить этотъ домъ.

— Какъ ты думаешь, можешь ли ты доставить туда вотъ это письмо?

— Ничего нѣтъ легче.

— Но это письмо, сказалъ Тротъ, судорожно протягивая безобразную записку въ одной рукѣ и пять шиллинговъ въ другой: — это письмо безыменное.

— Какое? спросилъ надъ-лакей.

— Безыменное: судья не долженъ знать, отъ кого оно.

— О, понимаю! отвѣчалъ кривой, подмигивая глазомъ, но не обнаруживая ни малѣйшаго нерасположенія принять на себя порученіе: — понимаю: маленькое предостереженьице... гм! — И глаза его начали блуждать по комнатѣ, какъ будто отыскивая потайного фонаря и фосфорическихъ спичекъ. — Но послушайте, продолжалъ онъ, прекращая поиски и устремляя единственный глазъ свой на мистера Трота: — я долженъ вамъ сказать, что онъ нашъ адвокатъ, нашъ судья и кромѣ того застрахованъ въ графствѣ. Если у васъ есть какое нибудь зло противъ него, то пожалуйста вы не сожгите дома его, хотя я знаю, что лучшей милости вы не могли бы сдѣлать ему.

И надъ-лакей внутренно захохоталъ.

Еслибъ мистеръ Александеръ Тротъ находился въ какомъ нибудь другомъ положеніи, то первымъ его дѣйствіемъ было бы вытолкать этого челоуѣка изъ комнаты. При этомъ же случаѣ мистеръ Тротъ ограничился тѣмъ, что удвоилъ плату за труды и объяснилъ, что письмо его имѣетъ цѣль предотвратить нарушеніе спокойствія. Надълакей удалился, выразивъ торжественную клятву сохранить тайну, и мистеръ Александеръ Тротъ принялся за жареную камбалу, за телячьи котлеты, мадеру и пирожное съ гораздо большимъ спокойствіемъ, чѣмъ въ первую минуту по полученіи вызова Гораса Гунтера.

Между тѣмъ пріѣхавшая въ лондонскомъ дилижансѣ лэди едва только заняла двадцать-пятый нумеръ и сдѣлала нѣкоторыя измѣненія въ дорожномъ туалетѣ, какъ тотчасъ же отправила письмо къ Джозефу Овертону, дворянину, прокурору и великовингльбирійскому мировому судѣ. Она просила въ этотъ письмѣ немедленной помощи въ весьма важномъ и нетребующемъ отлагательства дѣлѣ. Конечно, при подобномъ требованіи почтенный судья не терялъ ни минуты времени. Послѣ страшно изумительныхъ взглядовъ и восклицаній: „ахъ, Боже мой! что же это значить!“, и другихъ выражений, въ которыхъ ясно обнаруживалось его удивленіе, онъ, въ своей маленькой конторѣ, снялъ съ гвоздика широкополую шляпу и торопливо побрелъ по улицѣ Гай въ „Вингльбирійскій Гербъ“, гдѣ хозяйка дома и толпа услужливыхъ лакеевъ проводили его по лѣстницѣ, къ дверямъ двадцать-пятого нумера.

— Просите джентльмена сюда, сказала лондонская лэди, въ отвѣтъ на извѣщеніе передового лакея.

И джентльмену отворили дверь.

Лэди встала съ дивана; судья выступилъ шага на два отъ дверей, и потомъ, какъ будто съ общаго согласія, оба они остались неподвижны. Судья видѣлъ передъ собой веселую, пышно одѣтую женщину, лѣтъ сорока отъ роду; а лэди смотрѣла на лоснистаго мужчину годами десятью старше ея, въ черныхъ „невыразимыхъ“, въ черномъ скюртукѣ, въ черномъ галстукѣ и въ черныхъ перчаткахъ.

— Миссъ Джулія Маннерсъ! воскликнулъ наконецъ судья:— вы удивляете меня!

— Съ вашей стороны, Овертонъ, это весьма нехорошо, отвѣчала миссъ Джулія:— я знаю васъ очень давно и ваши поступки нисколько бы не удивили меня; почему бы и вамъ не оказать мнѣ подобнаго привѣта?

— Но убѣжать, дѣйствительно убѣжать, съ молодымъ человѣкомъ! возразилъ судья.

— Надѣюсь, однако, вы не захотѣли бы, чтобы я убѣжала со старикомъ, хладнокровно замѣтила лэди.

— И потомъ просить меня, — меня именно изъ всѣхъ людей въ цѣломъ мірѣ, — меня, человѣка солидныхъ лѣтъ и наружности, мирового судью города, — просить о томъ, чтобы я былъ сообщникомъ вашего плана! угрюмо восклицалъ Джозефъ Овертонъ, опускаясь въ кресло и вынимая изъ кармана письмо миссъ Джуліи, какъ будто для того, чтобы подтвердить свои замѣчанія.

— Послушайте, Овертонъ, нетерпѣливо отвѣчала лэди:— въ этомъ дѣлѣ я требую вашей помощи, и должна имѣть ее. При жизни того бѣдняжки, мистера Корнберри, которому... которому...

— Которому предстояло жениться на васъ, но который не женился, потому что вздумалъ сначала умереть, и который оставилъ вамъ все свое состояніе, не обремененное его присутствіемъ, подсказалъ судья саркастическимъ тономъ.

— Правда ваша, отвѣчала миссъ Джулія, слегка покраснѣвъ:— но замѣтите, что при жизни мистера Корнберри состояніе его было обременено вашимъ управле-

ніемъ; я до сихъ поръ удивляюсь, какимъ образомъ чахотка поразила самого господина, а не его состояніе. Вы помогли себѣ тогда? — помогите мнѣ теперь.

Мистеръ Джозефъ Овертонъ былъ человѣкъ опытный и кромѣ того хорошей адвокатъ; и въ то время, какъ нѣкоторыя неясныя воспоминанія о двухъ-трехъ тысячахъ фунтовъ, присвоенныхъ по ошибкѣ, пробѣжали въ его головѣ, онъ пробормоталъ что-то невнятное, кротко улыбнулся и нѣсколько секундъ соблюдалъ глубокое молчаніе.

— Что же вы хотите дѣлать? спросилъ онъ наконецъ.

— Сейчасъ я вамъ скажу, отвѣчала миссъ Джулія. — Я скажу вамъ въ трехъ словахъ. Безцѣнный мой лордъ Питаръ...

— Онъ-то и есть молодой джентльменъ? прервалъ судья.

— Онъ-то и есть молодой нобльменъ, отвѣчала лэди, дѣлая удареніе на послѣднее слово. — Безцѣнный лордъ Питаръ чрезвычайно боится гнѣва своего семейства; поэтому мы сочли за лучшее обвиняться тайкомъ. Чтобы отклонить подозрѣніе, онъ выѣхалъ изъ Лондона съ любимымъ своимъ тигромъ, подъ предлогомъ навѣстить друга своего достопочтеннѣйшаго Августа Флэйра, помѣстье котораго, какъ вамъ извѣстно, находится въ сорока миляхъ отсюда. Мы условились такъ, что я выѣду изъ Лондона въ дилижансѣ, а онъ, оставивъ за собою тигра и свой экипажъ, явится сюда сегодня послѣ обѣда.

— И прекрасно! замѣтилъ Джозефъ Овертонъ: — здѣсь онъ возьметъ почтовыхъ лошадей, и вы уже вмѣстѣ отправитесь въ Грэтна-Гринъ. Мнѣ кажется, что для этого вовсе не требуется присутствія третьяго лица?

— Напротивъ того, отвѣчала миссъ Джулія: — мы имѣемъ весьма основательныя причины предполагать — надобно вамъ сказать, что друзья лорда Питара не считаютъ его за человѣка благоразумнаго или дальновиднаго, и успѣли открыть его привязанность ко мнѣ — мы предполагаемъ, что едва только замѣтятъ его отсутствіе, какъ тотчасъ же пошлутъ за нимъ погоню по всевозможнымъ направленіямъ. Чтобы избѣгнуть этой погони и скрыть наши слѣды, я желаю распространить слухъ въ здѣшнемъ домѣ, что безцѣнный мой лордъ Питаръ немного помѣшанъ, хотя на самомъ дѣлѣ въ немъ нѣтъ и искры помѣшательства, и что я, вовсе неизвѣстная ему, ожидаю его пріѣзда, чтобы отвезти его въ безопасный пріютъ — положимъ, хоть въ Бервикъ. Если я стану немного скрытничать, то, пожалуй, можно еще такъ устроить, что меня почтутъ за его мать.

При этихъ словахъ въ головѣ мирнаго судьи мелькнула мысль, что миссъ Джулія, не скрытничая, легко можетъ прослыть за мать воображаемаго помѣшаннаго, такъ какъ на видъ ей было вдвое больше лѣтъ противъ нареченнаго супруга. Впрочемъ, мирный судья не сказалъ ни слова, — и лэди продолжала:

— Всѣ эти распоряженія извѣстны лорду Питару, и мнѣ хочется только одного, — именно: вашего участія въ этомъ дѣлѣ, съ помощью котораго обманъ нашъ не внушитъ ни малѣйшаго подозрѣнія; и кромѣ того вы можете увѣрить всѣхъ въ этомъ домѣ, что

я беру на свое попечение молодого нобльмена. Наконецъ я желаю еще, чтобы вы перего-
ворили съ нимъ и увѣдомили его, что все идетъ превосходно; самой мнѣ невозможно
увидѣться съ нимъ прежде, чѣмъ мы сядемъ въ почтовую карету, потому что это повре-
дило бы нашему плану.

— Да развѣ онъ уже пріѣхалъ? спросилъ Овертонъ.

Не знаю, отвѣчала лэди.

— Какимъ же образомъ я узнаю о его пріѣздѣ? спросилъ судья. — Вѣроятно,
онъ не скажетъ въ буфетѣ своего настоящаго имени?

— Я просила его, чтобы онъ тотчасъ же по пріѣздѣ написалъ къ вамъ записку,
отвѣчала миссъ Маннерсъ. — Но чтобы эта записка не подала повода къ открытію
нашихъ замысловъ, я приказала послать ее безыменною и въ загадочныхъ выраже-
ніяхъ познакомить васъ съ нумеромъ его комнаты.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ судья, вставая съ мѣста и начиная шарить въ
своихъ карманахъ: — весьма необыкновенное обстоятельство!... Знаете ли? вѣдь онъ
пріѣхалъ... Передъ самымъ вашимъ пріѣздомъ въ мой домъ поступила таинственная
записка самымъ таинственнымъ образомъ... Я рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ ней,
и весьма вѣроятно ничего бы и не сдѣлалъ... Ахъ! да вотъ и она! — И Джозефъ
Овертонъ вытащилъ изъ боковаго кармана письмо, написанное Александромъ Тро-
томъ. — Узнаете ли вы руку лорда Питара?

О, да! отвѣчала Джулія. — Какая удивительная пунктуальность! Хотя я всего
только два раза видѣла почеркъ его, но знаю, что онъ пишетъ весьма дурно и весьма
крупно. Вѣдь вамъ извѣстно, Овертонъ, что эти молодые нобльмены...

— Ну да, да! отвѣчалъ судья. До письма ли имъ: у нихъ на умѣ только лошади
да собаки, театры да вино, актрисы да сигары, стойлы, зеленые столы, увеселительные
дома, таверны и наконецъ законодательное собраніе. Но посмотримъ, что онъ пишетъ:
„Милостивый государь! молодой джентльменъ, въ девятнадцатомъ номерѣ „Вингльби-
рійскаго Герба“, принужденъ завтра рано по утру сдѣлать необдуманнѣйшій шагъ (недурно!
подъ этимъ онъ подразумѣваетъ предстоящую женитьбу). Если вы сколько нибудь
заботитесь о сохраненіи спокойствія этого города, если вы желаете спасти одну, а
можетъ быть и двѣ человѣческія жизни... (что за чертовщину хочетъ онъ выразить
этимъ?)

— Это значитъ, что онъ сильно беспокоится о нашей свадьбѣ; онъ вѣроятно
умретъ, если ему помѣшаютъ въ этомъ, и вѣроятно полагаетъ, что я тоже умру, отвѣ-
чала лэди съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Вотъ что! понимаю!... но стоитъ ли объ этомъ беспокоиться! Посмотримъ,
что онъ пишетъ дальше... „двѣ человѣческія жизни, то постарайтесь удалить его въ
эту же ночь (онъ хочетъ покончить дѣло разомъ). Не бойтесь! это не падаетъ на вашу
отвѣтственность: завтра вы сами увидите всю необходимость изслѣдовать дѣло судеб-
нымъ порядкомъ. Не забудьте: номеръ девятнадцатый. Меня зовутъ Тротъ. Ради

Бога не медлите, потому что жизнь и смерть зависят единственно отъ быстроты вашихъ распоряженій“.

— По всему видно, что онъ писалъ подъ вліяніемъ пламеннаго чувства. Не повидаться ли мнѣ съ нимъ?

— Пожалуйста, Овертонъ, отвѣчала миссъ Джулія: — повидайтесь и попросите, чтобы онъ какъ можно лучше разыгрывалъ свою роль. Признаюсь вамъ, я немного опасуюсь за него. Скажите ему, чтобы онъ былъ остороженъ.

— Непремѣнно, отвѣчалъ судья.

— Устройте наше дѣло.

— Непремѣнно, снова отвѣчалъ судья.

— И скажите, что по моему мнѣнію лучше было бы приготовить почтовый экипажъ къ часу ночи.

— Очень хорошо, еще разъ сказалъ судья и, размышляя о недѣльномъ положеніи, въ которое судьба и старое знакомство поставили его, приказалъ лакею провозгласить свое приближеніе временному представителю девятнадцатаго нумера.

Слова лакея: „джентльменъ желаетъ съ вами говорить, сэръ!“ заставили мистера Трота остановиться на полстаканѣ портвейна, который онъ выпивалъ въ это время, — встать со стула, отступить нѣсколько шаговъ къ окну и принять оборонительное положеніе, на тотъ случай, если посѣтитель приметъ образъ и видъ Гораса Гунтера. Появленіе Джозефа Овертона разсѣяло опасенія мистера Трота, и онъ учтиво предложилъ незнакомцу стулъ. Лакей, позвонивъ немного графинами и рюмками, согласился оставить комнату, и Джозефъ Овертонъ, положивъ широкополую шляпу на ближайшій стулъ и слегка наклонивъ впередъ свой корпусъ, приступилъ къ изложенію дѣла тихимъ и осторожнымъ голосомъ.

— Милордъ...

— Что такое?! сказалъ мистеръ Александеръ Тротъ, самымъ громкимъ голосомъ и съ безмысленнымъ взглядомъ.

— Тихе, тихе! сказалъ осторожный прокуроръ: — все идетъ хорошо... оставьте титулы... меня зовутъ Овертонъ.

— Овертонъ?

— Да, мировой судья здѣшняго города... вы прислали мнѣ безыменное письмо?

— Кто? я?! воскликнулъ Тротъ съ дурно скрываемымъ удивленіемъ. — При всей своей трусости, ему не хотѣлось признаться въ сочиненіи этого письма. — Вы говорите что я написалъ письмо?

— Да, вы! а развѣ не вы? отвѣчалъ Овертонъ, начиная досадовать на неумѣстную скрытность Трота. — Скажите мнѣ, ваше это письмо или нѣтъ. Если ваше, то мы переговоримъ о дѣлѣ сейчасъ же и безъ всякихъ опасеній. Если же нѣтъ, то мнѣ ничего больше не остается сказать вамъ.

— Позвольте, позвольте! сказалъ Тротъ: — это мое письмо, я самъ писалъ его. Что же мнѣ было дѣлать, сэръ? У меня здѣсь рѣшительно нѣтъ знакомыхъ.

— Конечно, конечно, сказалъ судья, съ видомъ одобренія: — лучше этого вамъ ничего нельзя было сдѣлать. Итакъ, сэръ, для васъ необходимо будетъ оставить здѣшнее мѣсто сегодня же ночью; для васъ будетъ готова четверка лошадей, и чѣмъ шибче будете гнать, тѣмъ лучше. Я долженъ сказать, что вы здѣсь не въ безопасности.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! воскликнулъ Тротъ, подъ влияніемъ мучительнаго опасенія. — Могутъ ли случаться подобныя вещи въ образованномъ государствѣ! Какая непримиримая, варварская ненависть! — И онъ отеръ эссенцію трусости, которая быстро выступала на лбу его, и съ неприятнымъ ужасомъ взглянулъ на Джозефа Овертона.

— Я совершенно согласенъ съ вами, съ улыбкой отвѣчалъ судья: — меня тоже удивляетъ, что здѣсь нельзя жениться на комъ вздумалось, не подвергаясь преслѣдованію какъ криминальный преступникъ. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ вамъ нечего опасаться: лэди согласна выйти за васъ; а это весьма важно.

— Лэди согласна выйти за меня! механически повторилъ Тротъ. — Почему же вы знаете что лэди согласна?

— Ну вотъ еще, прекрасно! сказалъ судья, ласково дотрогиваясь до руки мистера Трота своей широкополой шляпой. — Я знаю ее очень давно, и еслибъ ктонибудь вздумалъ сомнѣваться въ этомъ, то увѣрю васъ, что я съ своей стороны не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія... да, кажется, и вамъ не стоитъ беспокоиться.

— Странно! сказалъ мистеръ Тротъ задумчиво: — очень странно! Весьма необыкновенное обстоятельство.

— Итакъ, лордъ Питаръ, сказалъ судья, вставая.

— Лордъ Питаръ! повторилъ мистеръ Тротъ.

— Ахъ, извините! я совершенно позабылъ, что вы мистеръ Тротъ... очень недурно... ха! ха!... Итакъ, мистеръ Тротъ, лошади будутъ готовы въ половинѣ перваго часа ночи.

— Что же будетъ со мной до того времени? съ беспокойствомъ спросилъ мистеръ Тротъ. — Знаете что: не лучше ли будетъ, если вы примете въ мою пользу какіянибудь предохранительныя мѣры?

— Ахъ, какая превосходная мысль! отвѣчалъ Овертонъ: — чудесная мысль! я сейчасъ же кого нибудь приставлю къ вамъ. И знаете, недурно будетъ, если вы станете показывать сопротивленіе, когда васъ будутъ сажать въ карету, — однимъ словомъ, показывайте видъ, что васъ сажаютъ насильно... понимаете?

— Очень понимаю, совершенно понимаю!

— Итакъ, милордъ, сказалъ Овертонъ тихимъ голосомъ: — до полночи! желаю вамъ прекраснаго вечера.

— Милордъ! снова воскликнулъ Тротъ, отступая назадъ и съ неизъяснимымъ удивленіемъ взглядываясь въ лицо мирового судьи.

— Ха! ха! Вижу, милордъ, вижу, разыгрываете роль сумасшедшаго... не такъ ли? Э! прекрасно, превосходно! какой бессмысленный взглядъ! отлично, милордъ, отлично! добрый вечеръ, мистеръ Тротъ!... ха! ха! ха!

„Этотъ мирный судья рѣшительно пьянъ“ говорилъ самъ съ собой мистеръ Тротъ, бросаясь въ кресло, съ задумчивымъ видомъ.

„Никакъ не думалъ встрѣтить въ этомъ молодомъ нобльменѣ такого умницу! славно ведетъ свое дѣло!“ — размышлялъ Овертонъ, спускаясь въ буфетъ для окончательныхъ распоряженій.

На это не требовалось много времени. Каждое слово вымышленнаго разказа было принято за истину, и одноглазый лакей получилъ приказаніе отправиться въ девятнадцатый нумеръ и дѣйствовать тамъ въ качествѣ стража при помѣщенной особѣ, до половины перваго часа. Велѣдствіе этого распоряженія, эксцентрической одноглазый джентльменъ вооружился тростью огромныхъ размѣровъ и хладнокровно отправился на свой постъ. Онъ вошелъ въ комнату мистера Трота безъ всякихъ церемоній, спокойно помѣстился на стулѣ подлѣ самыхъ дверей и для развлеченія началъ насвистывать народную арію, съ выраженіемъ полного самодовольствія.

— Что тебѣ здѣсь нужно, бездѣльникъ? воскликнулъ мистеръ Тротъ, съ выраженіемъ негодованія.

Лакей, взглянувъ на мистера Трота съ улыбкой сожалѣнія, продолжалъ бить мѣрный тактъ рыжей головой и насвистывать *адажю*.

— Ты здѣсь не по приказанію ли мистера Овертона? спросилъ Тротъ, болѣе и болѣе удивляясь поведенію лакея.

— Береги себя для себя, молодой человекъ, да и молчи про себя, спокойно отвѣчалъ лакей и снова засвисталъ.

— Послушай же! вскричалъ мистеръ Тротъ, стара ясь поддержать видъ сильнаго желанія выйти на дуэль, если только позволятъ ему: — я не хочу, чтобы меня держали здѣсь, я протестую противъ этого, я вовсе не имѣю намѣренія избѣгать дуэли; но такъ какъ бесполезно бороться съ превосходными силами, то я по неволѣ долженъ спокойно оставаться на мѣстѣ.

— И самое лучшее, замѣтилъ лакей, выразительно покачивая тростью.

— Да остаюсь, но только по неволѣ, прибавилъ Александръ Тротъ, опускаясь на стулъ съ выраженіемъ крайняго негодованія въ лицѣ и съ величайшимъ удовольствіемъ въ душѣ.

— Ужь, конечно, по неволѣ, отвѣчалъ лакей. — Впрочемъ, какъ вамъ угодно. Если вы довольны своимъ положеніемъ, то я въ восторгѣ; только пожалуйста меньше говорите, а то вамъ же будетъ хуже.

— Мнѣ будетъ хуже?! воскликнулъ Тротъ, съ непритворнымъ изумленіемъ. — Помилуйте, да этотъ человѣкъ рѣшительно пьянъ!

— Эй, лучше молчите! замѣтилъ лакей, дѣлая тростью самыя выразительныя пантомимы.

— Даже больше, чѣмъ пьянъ: онъ сумасшедшій! сказалъ Тротъ, сильно встревоженный. Сію минуту вонъ отсюда! и скажи, чтобы прислали сюда кого нибудь другого.

— Не пойду! отвѣчалъ лакей.

— Вонъ отсюда! заревѣлъ Тротъ, изо всей силы дернувъ за звонокъ.

Опасенія его начинали принимать весьма обширныя размѣры.

— Оставишь ли ты звонокъ въ покоѣ, несчастный лунатикъ! вскричалъ лакей, толкнувъ на мѣсто несчастнаго Трота и размахивая надъ головой его огромной тростью. — Замолчи ты, жалкое созданіе! Не раззванивай каждому, что въ здѣшнемъ домѣ есть сумасшедшій человѣкъ.

— Онъ сумасшедшій! сумасшедшій! закричалъ испуганный Тротъ, съ ужасомъ всматриваясь въ одинокій глазъ рыжаго лакея.

— Сумасшедшій! отвѣчалъ лакей: — пожалуй, чего добраго, отъ злости долго ли сойти съ ума! Выслушай меня, несчастный... А! ты не хочешь? а это что? а? — И лакей слегка прикоснулся своей тростью къ головѣ мистера Трота, въ то время, какъ послѣдній сдѣлалъ новое движеніе къ звонку.

— О, пощади мою жизнь! воскликнулъ Тротъ, съ умоляющимъ видомъ поднимая къверху руки.

— Мнѣ не нужно твоей жизни, съ пренебреженіемъ отвѣчалъ лакей: — хотя, правду сказать, еслибъ кто и вздумалъ лишить тебя жизни, то оказалъ бы великую услугу.

— О нѣтъ, нѣтъ! не нужно, прервалъ бѣдный мистеръ Тротъ: — не нужно лишать меня жизни. Я... я... лучше я стану смирно сидѣть на этомъ стулѣ.

— Давно бы такъ, сказалъ лакей: — не было бы и спору у насъ: у каждаго свой вкусъ, какъ сказалъ одинъ человѣкъ, когда рѣшился проглотить мышьяку. Но во всякомъ случаѣ я вотъ что скажу: вы сидите спокойно вотъ на этомъ стулѣ, а я сяду противъ васъ — вотъ здѣсь; и если вы не станете шевелиться, то я не дотронусь до васъ; но если вы до половины перваго часа пошевелите рукой или ногой, то я такое сдѣлаю измѣненіе въ вашемъ лицѣ, что когда вы взглянете въ зеркало, то непременно спросите себя: „ужъ не ухалъ ли я за городъ? и когда, примѣрно сказать, я возвращусь домой?“ Такъ сядемте же какъ я сказалъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчала жертва недоразумѣній; и вмѣстѣ съ тѣмъ мистеръ Тротъ опустился на стулъ, а лакей помѣстился противъ него, съ тростью, готовою, въ случаѣ надобности, къ немедленному бою.

Слѣдующіе часы текли медленно и скучно: на колокольнѣ Велико-вингльбирійской церкви только что пробило десять, и нужно было прождать еще два съ половиной часа, прежде чѣмъ явится помощь съ которой нибудь стороны. Съ полчаса времени слышно было, какъ на улицѣ заирали лавки, и шумъ отъ этого обозначалъ что-то въ родѣ жизни и дѣлалъ положеніе мистера Трота довольно еще сноснымъ; но когда и это все замолкло, когда затихла суматоха при перемѣнѣ лошадей подѣхавшаго дилижанса, и только изрѣдка раздавался стукъ лошадиныхъ копытъ въ конюшняхъ, расположенныхъ позади отдѣльныхъ комнатъ, мистеръ Александеръ Тротъ очутился въ самомъ жалкомъ состояніи. Лакей по временамъ наклонялся дюйма на два впередъ, чтобъ снять нагорѣвшую свѣтильню на восковой свѣчѣ, и потомъ снова принималъ свое неизмѣнное положеніе; онъ слышалъ отъ кого-то, и при этомъ случаѣ вспомнилъ, что человѣческій взглядъ имѣетъ сильное вліяніе на усмиреніе сумасшедшихъ, а потому единственный глазъ его постоянно былъ устремленъ на мистера Трота. Въ свою очередь и несчастный Тротъ внимательно наблюдалъ своего сосѣда, при чемъ постепенно черты послѣдняго дѣлались болѣе и болѣе неясными, волоса казались менѣе рыжими, и въ комнатѣ становилось темнѣе и мрачнѣе. Мистеръ Александеръ Тротъ заснулъ глубокимъ сномъ, изъ котораго былъ выведенъ необыкновеннымъ шумомъ на улицѣ и крикомъ: „четверка лошадей для джентльмена въ двадцать-пятомъ номерѣ!“ Вслѣдъ за тѣмъ по лѣстницѣ раздавался стукъ; дверь двадцать-пятого номера быстро растворилась, и въ комнатѣ явился мистеръ Джозефъ Овертонъ, сопровождаемый четырьмя дюжи-ми лакеями и содержательницей „Вингльбирійскаго Герба“, толстой мистриссъ Вильямсонъ.

— Мистеръ Овертонъ! воскликнулъ мистеръ Тротъ, вскакивая съ мѣста и выражая на лицѣ своемъ сильное негодованіе. — Взгляните на этого человѣка, сэръ, — подумайте о положеніи, въ которое вы поставили меня въ теченіе послѣднихъ трехъ часовъ... Человѣкъ, котораго вы прислали охранять меня, совершенно сумасшедшій, — сумасшедшій чисто-на чисто, — бѣшенный, буйный, свирѣбный сумасшедшій.

— Bravo! прошепталъ Овертонъ.

— Бѣдняжка! съ чувствомъ состраданія сказала мистриссъ Вильямсонъ: — правду говорятъ, что сумасшедшіе всегда принимаютъ другихъ за сумасшедшихъ.

— Бѣдняжка!? воскликнулъ мистеръ Александеръ Тротъ. — Что вы подразумеваете подъ словомъ „бѣдняжка“? Мнѣ кажется, вы хозяйка здѣшняго дома?

— Да, да, отвѣчала толстая пожилая лэди: — пожалуйста не тревожьте вы себя, берегите ваше здоровье.

— Тревожить себя! заревѣлъ мистеръ Тротъ: — нѣтъ! слава Богу, что въ теченіе трехъ часовъ у меня достало духу не тревожить себя, иначе меня убило бы вотъ это одноглазое чудовище съ пеньковой головой. Какъ вы смѣете, сударыня, держать у себя сумасшедшаго человѣка... какъ вы смѣете, говорю я, держать сумасшедшаго человѣка, который беспокоитъ и пугаетъ посѣтителей вашего дома!

— Правда ваша, совершенная правда; больше ужъ я никогда не стану принимать сумасшедшихъ, отвѣчала мистриссъ Вильямсонъ, бросая взглядъ упрека на мирнаго судью.

— Славно! чудесно! снова прошепталъ Овертонъ, укутывая Трота въ толстый дорожный плащъ.

— Что вы находите, сэръ, чудеснаго въ этомъ? воскликнулъ Тротъ: — это ужасно! одно воспоминаніе производитъ во мнѣ трепетъ. Я охотиѣе согласился бы выйти на четыре дуэли, еслибъ только остался въ-живыхъ послѣ первыхъ трехъ, нежели просидѣть четыре часа лицомъ къ лицу съ этимъ сумасшедшимъ человѣкомъ.

— Старайтесь поддержать эту роль, когда будете спускаться съ лѣстницы, шепталъ Овертонъ: — счетъ вашъ уплаченъ и вашъ чемоданъ въ каретѣ. — И потомъ Овертонъ прибавилъ вслухъ: — эй, люди! джентльменъ готовъ!

При этомъ сигналѣ лакеи столпились вокругъ мистера Трота. Одинъ взялъ его подъ одну руку, другой подъ другую, — третій шелъ впереди, съ одной свѣчой, — четвертый позади, съ другой. Мистриссъ Вильямсонъ и лакей, охранявшій мистера Трота, замыкали шествіе и въ этомъ порядкѣ начали спускаться съ лѣстницы. Мистеръ Александеръ Тротъ самымъ громкимъ голосомъ то выражалъ притворное сопротивленіе идти впередъ, то непритворное негодованіе, по поводу того, что былъ запертъ съ сумасшедшимъ человѣкомъ.

Мистеръ Овертонъ дожидался у дверецъ почтовой кареты; ящики сидѣли на мѣстахъ; вокругъ кареты собралось нѣсколько конюховъ и челядинцевъ, чтобъ посмотреть на отправленіе „сумасшедшаго джентльмена“. Нога мистера Трота находилась

уже на ступенькѣ, какъ вдругъ онъ замѣтилъ въ каретѣ (чего нельзя было замѣтить прежде при самомъ тускломъ освѣщеніи) человѣческую фигуру, плотно закутанную въ дорожный плащъ.

— Кто тамъ такой? шопотомъ спросилъ онъ Овертона.

— Те! те! отвѣчалъ судья: — вѣроятно ктонибудь другой.

— Ктонибудь другой! закричалъ Тротъ, стараясь отступить.

— Да, да! вы не успѣете отъѣхать нѣсколько шаговъ, какъ узнаете, кто тамъ такой... Но ради Бога шумите побольше, — иначе шопотомъ своимъ вы возбудите подозрѣніе.

— Я не хочу ѣхать въ этой каретѣ! заревѣлъ мистеръ Александеръ Тротъ, и всѣ первоначальныя опасенія возвратились къ нему въ увеличенномъ видѣ. — Меня убьютъ... меня...

— Bravo, bravo! шепталъ Овертонъ. — Пойдите, я васъ толкну въ нее.

— Я не хочу ѣхать! не хочу! кричалъ мистеръ Тротъ. — Помогите, помогите! меня увозятъ противъ моей воли. Они сговорились убить меня.

— Бѣдняжка! снова повторила мистрисъ Вильямсонъ.

— Трогайтесь съ мѣста! вскричалъ судья, толкнувъ въ карету Трота и захлопнувъ за нимъ дверцу. —

Гнать какъ можно шибче и до слѣдующей станціи ни за что не останавливаться...
Пошеть!

— Прогонны заплачены, Томъ, прокричала мистриссъ Вильямсонъ. — И карета, съ запертными въ ней мистеромъ Александромъ Тротомъ и миссъ Джуліей Маннерсъ, понеслась по четырнадцати миль въ часъ.

Первыя двѣ-три мили мистеръ Тротъ просидѣлъ забившись въ одномъ углу кареты, и его таинственная спутница — въ другомъ; мистеръ Тротъ болѣе и болѣе жался въ свой уголокъ, въ то время, какъ миссъ Маннерсъ болѣе и болѣе выдвигалась изъ своего уголка. Мистеръ Тротъ тщетно старался уловить видъ бѣшеннаго лица предполагаемаго Гораса Гунтера.

— Теперь, кажется, намъ можно говорить, сказала наконецъ спутница Трота: — ямщики не увидятъ насъ и не услышать.

„Да это не Гунтера голосъ!“ подумалъ Тротъ, въ сильномъ изумленіи.

— Безцѣнный лордъ Питаръ! сказала миссъ Джулія самымъ привлекательнымъ голосомъ и положивъ свою ручку на плечо мистера Трота. — Безцѣнный лордъ Питаръ! и ты не скажешь мнѣ ни слова!

— Помилуйте, да это женщина! воскликнулъ мистеръ Тротъ.

— Ахъ, Боже мой! чей это голосъ? сказала Джулія: — это голосъ не лорда Питара.

— Нѣтъ, это мой голосъ, отвѣчалъ мистеръ Тротъ.

— Вашъ! воскликнула миссъ Джулія Маннерсъ: — голосъ незнакомаго человѣка! Боже праведный! какъ вы попали сюда?

— Кто бы вы ни были, мистриссъ, но вамъ должно быть извѣстно, какъ я попалъ сюда, отвѣчалъ мистеръ Тротъ. — Вы слышали, какъ я кричалъ, когда меня сажали сюда.

— Значить вы присланы отъ лорда Питара? спросила миссъ Маннерсъ.

— Провалился этотъ лордъ Питаръ! угрюмо отвѣчалъ Тротъ. — Я не знаю никакого лорда Питара, до сегодняшней ночи никогда не слышалъ о немъ, а тутъ, какъ нарочно, то одинъ называетъ меня лордомъ, то другой, такъ что подконецъ я уже началъ думать, что или я сошелъ съ ума, или вижу все это во снѣ...

— Куда же мы ѣдемъ? трагически спросила лэди.

— Почему же я знаю? отвѣчалъ Тротъ, сохраняя удивительное хладнокровіе, какъ будто происшествія предъидущаго вечера совершенно ожесточили его.

— Остановитесь! стойте! закричала лэди, опуская переднее стекло кареты.

— Позвольте, милостивая государыня! сказала мистеръ Тротъ, задергивая одной рукой стекло, а другой нѣжно обнимая станъ миссъ Джуліи Маннерсъ. — Я вижу, что тутъ есть какое-то недоразумѣніе; позвольте мнѣ объяснить вамъ, какую роль мнѣ пришлось разыгрывать въ этой жалкой ошибкѣ. Намъ непременно нужно будетъ доѣхать до станціи: согласитесь, что нельзя васъ высадить на дорогѣ въ такую позднюю пору?

Лэди согласилась; недоразумѣніе разъяснено было съ той и съ другой стороны.

Мистеръ Тротъ былъ молодой человѣкъ, имѣлъ весьма недурные бакенбарды безукоризненнаго портного и привлекательное обращеніе. Ему недоставало только храбрости; но обратитъ ли вниманіе на этотъ недостатокъ тотъ, кто имѣетъ три тысячи фунтовъ годового дохода? Миссъ Джулія Маннерсъ имѣла это и даже болѣе; ей недоставало только молодого мужа, а единственное средство для мистера Трота — загладить свое безславіе — состояло въ богатой женѣ. Такимъ образомъ они пришли къ слѣдующему заключенію, что жалко было бы имѣть всѣ эти хлопоты и издержки попустому, и что, такъ какъ они отбѣхали отъ Лондона уже довольно далеко, то не лучше ли имъ отправиться въ Грэтна-Гринъ и тамъ обвѣнчаться. Такъ они и сдѣлали. Обвѣнчавшаяся передъ ними чета, какъ значилось въ книгѣ, была: Эмили Броунъ и Горасъ Гунтеръ. Мистеръ Гунтеръ привезъ жену свою домой, попросилъ прощенія и, какъ водится, былъ прощенъ. Мистеръ Тротъ поступилъ по примѣру мистера Гунтера и также получилъ прощеніе. Лордъ Питаръ опоздалъ пріѣхать къ назначенному сроку, потому что засидѣлся съ друзьями за шампанскимъ, и кромѣ того ему необходимо нужно было присутствовать на лошадиныхъ скачкахъ, съ которыхъ онъ отправился къ достопочтеннѣйшему Августу Флейру, — пилъ шампанскаго еще болѣе, самъ участвовалъ въ скачкахъ, упалъ съ лошади и разбился. Всѣ эти обстоятельства были открыты въ свое время и тщательно записаны; и если вамъ, читатели, когда нибудь случится провести недѣлю въ „Вингльбирійскомъ Гербѣ“, то вамъ непременно расскажутъ про велико-вингльбирійскую дуэль въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ я передалъ ее вамъ.